

В.О. Есикова¹, И.А. Соловьев², Ю.Ф. Зольникова³

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ

АННОТАЦИЯ

В статье на основе статистических данных Росстата проведен пространственный анализ слабоизученной современной миграции молодежи в России на уровне ее регионов. Ключевыми методами исследования является картографический и геоинформационный. Для построения картограмм использовалась геоинформационная система QGIS, позволяющая обрабатывать большие массивы информации, формировать базы данных, качественно выполнять оценочно-аналитические исследования. База пространственных данных в рамках работы предназначена для сбора, организации, хранения и актуализации данных о миграции молодежи в России. Впервые построено несколько фоновых картограмм, которые отражают региональные особенности миграционной подвижности молодежи в России. Для построения картограмм были рассчитаны коэффициенты миграционного прироста, прибытия и выбытия молодежи за 2017–2019 и 2020–2021 гг. (с учетом численности молодежи от 14 до 29 лет), а также проведена группировка значений по четырем группам разной интенсивности (сверхвысокой, высокой, средней и низкой). Для определения причин миграции молодежи также была разработана карта «Доля молодежи в населении регионов России в 2020 г.». Главной тенденцией последних лет является рост числа регионов России с миграционным приростом молодежи (до 74 %), что оказывает благотворное влияние на устойчивость демографического развития государства и его регионов. Данная тенденция усилилась в период пандемии COVID-19. Концентрация молодежи отмечается в самых успешных в социально-экономическом отношении регионах России. Для четверти субъектов РФ характерна миграционная убыль молодежи, что оказывает негативный эффект для демографического развития территорий. Разработанное картографическое обеспечение позволило корректно визуализировать региональные особенности миграции молодежи в России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: картография, миграция молодежи, регионы России, коэффициенты миграционного прироста/убыли, прибытия/выбытия

¹ Северо-Кавказский федеральный университет, Институт наук о Земле, ул. Пушкина, д. 1, Ставрополь, Россия, 355017,

e-mail: esikova.v@mail.ru

² Северо-Кавказский федеральный университет, Институт наук о Земле, ул. Пушкина, д. 1, Ставрополь, Россия, 355017,

e-mail: soloivan@mail.ru

³ Северо-Кавказский федеральный университет, Институт наук о Земле, ул. Пушкина, д. 1, Ставрополь, Россия, 355017,

e-mail: zolnst@mail.ru

Victoria O. Esikova¹, Ivan A. Soloviev², Julia F. Zolnikova³

REGIONAL FEATURES OF YOUTH MIGRATION IN RUSSIA

ABSTRACT

In the article, based on the statistical data of Rosstat, a spatial analysis of the poorly studied modern youth migration in Russia at the level of its regions is considered. The key research methods are cartographic and geoinformational. For the construction of cartograms, the QGIS geoinformation system was used, which allows to process large amounts of information, create databases, and perform high-quality evaluation and analytical studies. The spatial database within the framework of the work is designed to collect, organize, store and update data on youth migration in Russia. There have been constructed several background cartograms that reflect the regional features of the migration mobility of young people in Russia for the first time. To build these cartograms, the coefficients of migration growth, arrival and departure of young people for 2017–2019 and 2020–2021 were calculated (taking into account the number of young people from 14 to 29 years old), as well as grouping the values into four groups of different intensity (ultra-high, high, medium and low). To determine the reasons for the migration of young people, the map “Share of youth in the population of Russian regions in 2020” was also developed. The main trend of recent years is the growth in the number of Russian regions with a migration increase of young people (up to 74 %), which has a beneficial effect on the sustainability of the demographic development of the state and its regions. This trend has intensified during the covid-19 pandemic. The concentration of young people is observed in the most successful regions of Russia in socio-economic terms. A quarter of the constituent entities of the Russian Federation is characterized by a migration loss of young people, which has a negative effect on the demographic development of the territories. The developed cartographic software made it possible to correctly visualize the regional features of youth migration in Russia.

KEYWORDS: cartography, youth migration, regions of Russia, coefficients of migration gain/departure, arrival/departure

ВВЕДЕНИЕ

Миграция молодежи в последние несколько десятилетий привлекала пристальное внимание общественности России, впервые отток молодежи привел к депопуляции населения некоторых сельских территорий в советское послевоенное время. Тогда многие сельскохозяйственные предприятия были заинтересованы в сдерживании оттока молодежи, для чего на местах принимались активные меры. Сегодня проблема миграции молодежи в России приобрела еще большее значение, т. к. устойчивый демографический кризис характерен для многих регионов России.

Исследование миграции молодежи вызывает интерес многих ученых, и в научных исследованиях проблемам молодежной миграции уделяется значительное внимание.

¹ North-Caucasus Federal University, Institute of Earth Sciences, 1, Pushkin str., Stavropol, 355017, Russia, e-mail: esikova.v@mail.ru

² North-Caucasus Federal University, Institute of Earth Sciences, 1, Pushkin str., Stavropol, 355017, Russia, e-mail: soloivan@mail.ru

³ North-Caucasus Federal University, Institute of Earth Sciences, 1, Pushkin str., Stavropol, 355017, Russia, e-mail: zolnst@mail.ru

В зарубежных исследованиях молодежной миграции имеются работы, связанные с психологическими особенностями миграции, выявляются миграционные мотивы и установки, миграционное поведение. Различные аспекты молодежной миграции в отдельных регионах и странах исследовали зарубежные ученые в разные годы. Так, В. Венхорст с соавторами изучали особенности внутренней миграции выпускников высших учебных заведений в Голландии [Venhorst et al., 2011], Дж. Бейтс и И. Бракен исследовали возрастную структуру миграции населения на уровне административно-территориального деления Великобритании [Bates, Bracken, 1987], Н. Арджент и Дж. Уолмсли анализировали особенности миграции молодежи из сельской местности в Австралии [Argent, Walmsley, 2008], А. Уильямс, К. Джефкот и соавторы рассматривали факторы миграции молодежи в Европе [Williams et al., 2018]. М. Хэдлер в исследовании стран Европейского Союза выявил значительную миграцию молодежи из наиболее отстающих территорий внутри страны [Hadler, 2006].

В последние десятилетия в России было написано значительное количество работ, связанных с различными проблемами изучения миграции молодежи.

Методологические вопросы исследования молодежной миграции затронуты в работах В.И. Переведенцева [1990], Ж.А. Зайончковской [1991], Н.Ю. Замятиной [2012], И.С. Кашницкого, Н.В. Мкртчяна, О.В. Лешукова [2016 (а, б)] и др.

Проблемы эмиграции молодежи из России, ее факторы, масштабы и формы, а также последствия рассматриваются в статье С.В. Рязанцева и А.С. Лукьянец [2015], дифференциация эмиграционных намерений российской молодежи — в статье А.С. Лукьянец и А.С. Максимовой [2016].

Вопросы миграции молодежи в отдельных регионах России исследуются во многих статьях. При этом они довольно разноплановые, рассматриваются отдельно друг от друга, затрагивают миграцию молодежи в контексте безработицы, образования, занятости, демографического потенциала, мотивов и других проблем.

Из наиболее значимых работ можно отметить исследования Н.К. Габдрахманова [2020], М.А. Карцевой, Н.В. Мкртчяна, Ю.Ф. Флоринской [2021], в которых анализируются тенденции и особенности межрегиональной молодежной миграции в России, привлекательность отдельных регионов России для молодежи.

Ряд исследований Н.В. Мкртчяна [2013; 2017] посвящено молодежной миграции в городах России. В публикации Е.Я. Варшавской и О.С. Чудиновских [2014] рассматриваются миграционные планы выпускников региональных вузов.

В работах Л.Б. Карачуриной, Ю.Ф. Флоринской [2019], Н.К. Габдрахманова, Л.Б. Карачуриной, Н.В. Мкртчяна, О.В. Лешукова [2022 (а)], В.С. Белозерова, Н.А. Щитовой, В.О. Есиковой [2022], Н.В. Сопнева, И.А. Соловьева [2022] молодежная миграция рассматривается с вниманием к фактору получения образования.

Большинство исследований по проблемам молодежной миграции выполнено на основе официальной статистики и социологических опросов школьников и студентов. Для наглядности полученных результатов в работах широко использовались графические методы — на основе статистики и результатов соцопросов в публикациях приводятся графики и диаграммы.

Вместе с тем картографические методы исследования в работах по исследованию молодежной миграции практически не используются.

Картограммы, связанные с изучением молодежной миграции в России, разработаны в работе И.С. Кашницкого, Н.В. Мкртчян, О.В. Лешукова [2016 (б)], опубликованной в Демоскоп Weekly. Региональные особенности миграции молодежи в стране отражены в следующих картограммах: «Изменение численности населения в возрасте 17–21 г., 2003–2010 гг. (%)», «Отклонение расчетной численности когорты 1989–1993 гг. рождения (17–

21 г. в 2010 г.) от фактической за межпереписной период 2003–2010 гг. (%)», «Итоговый рейтинг регионов в зависимости от результатов учебной миграции в 2003–2014 гг.» и др.

Картографический метод использовался в работе А.Г. Атаевой и А.Г. Уляевой [2018] при изучении межрегиональной молодежной миграции Республики Башкортостан и соседних регионов Приволжского федерального округа как угрозы утери человеческого капитала. В этой работе представлена карта Республики Башкортостан, отражающая 7 зон притяжения для молодежи, выделенных по административным районам: «Соотношение относительного суммарного внутрирегионального и межрегионального миграционного приростов населения от 15 до 19 лет за 2012–2015 гг. по муниципальным районам Республики Башкортостан».

Таким образом, несмотря на значительный объем знаний, отмечается недостаточное количество исследований региональных особенностей миграции молодежи с использованием картографического метода, что определяет цель нашей работы в разработке картографического обеспечения исследования региональных особенностей миграции молодежи в России.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Информационной основой картографирования миграции молодежи в России являются данные официальной статистики за 2017–2021 гг., которые разрабатываются Росстатом и находятся в свободном доступе на сайтах «Росстата»¹.

Под молодежью в исследовании считается когорта населения от 15 до 29 лет, т. к. в отечественной социологии, психологии и педагогике чаще всего нижней границей молодежи называют возраст между 14–20, а верхней границей считается диапазон между 25–29 гг. [Соловьева, 2019].

На основе статистических данных способом количественного фона нами построено 5 картограмм:

1. Миграционный прирост молодежи регионов России в среднем в год в 2017–2019 гг. (‰);
2. Миграционный прирост молодежи регионов России в 2020–2021 гг. в среднем в год (‰);
3. Доля молодежи в населении регионов России в 2020 гг. (%);
4. Коэффициенты выбытия молодежи регионов России в среднем в год в 2017–2019 гг. (‰);
5. Коэффициенты прибытия молодежи регионов России в среднем в год в 2017–2019 гг. (‰).

Исследовательский акцент был направлен на пространственный анализ миграции молодежи в России в «допандемийные годы» (до 2020 г.), когда миграции детерминировались социально-экономическими причинами, а не стрессовыми, как во время пандемии COVID-19.

Для картографирования нами рассчитаны коэффициенты миграционного прироста, выбытия и прибытия молодежи от общей численности лиц этой когорты (14–29 лет) субъектов РФ в среднем в год.

¹ ЕМИСС. Электронный ресурс: <https://fedstat.ru/indicator/43219> (дата обращения 22.01.2023); ЕМИСС. Электронный ресурс: <https://fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения 22.01.2023); ЕМИСС. Электронный ресурс: <https://fedstat.ru/indicator/31548> (дата обращения 22.01.2023); Витрина данных. Электронный ресурс: <https://showdata.gks.ru/olap2/descr/report/278008/> (дата обращения 22.01.2023); Витрина данных. Электронный ресурс: <https://showdata.gks.ru/olap2/descr/report/278006/#> (дата обращения 22.01.2023); Витрина данных. Электронный ресурс: <https://showdata.gks.ru/olap2/descr/report/278004/#> (дата обращения 22.01.2023)

Посредством метода сводки и группировки статистические данные с учетом их интенсивности были распределены на 4 группы: сверхвысокие, высокие, средние и низкие коэффициенты миграционного прироста/убыли, прибытия и выбытия молодежи регионов России. Для картирования миграционного прироста/убыли молодежи рассчитан одинаковый интервал (7,85 ‰). Однако статистические значения групп немного отличаются, что связано с разницей максимальных и минимальных показателей за 2017–2019 и 2020–2021 гг. При расчете интервалов значений коэффициентов миграционного прироста, прибытий и выбытий молодежи нами не учитывались сверхвысокие показатели, которые были зафиксированы в Чукотском АО, Республике Алтай (в выбытии и прибытии), Кировской (только в выбытии), Ленинградской (в миграционном приросте в 2017–2019 и 2020–2021 гг.), Калужской областях и Севастополе (в миграционном приросте в 2020–2021 гг.). Почти равные интервалы использовались для группировки коэффициентов выбытий и прибытий молодежи регионов России (35,79 и 35,65 ‰ соответственно).

Для построения картографических материалов использовалась свободная кроссплатформенная геоинформационная система QGIS (Quantum GIS). Картографическая основа включает следующие основные векторные слои в формате shape: границы субрегионов и стран мира, федеральных округов и субъектов РФ, а также гидрография и сеть городских поселений. Источник — данные OpenStreetMap. В рамках работы на основе пользовательских наборов слоев сформирована база пространственных данных (БПД) (или база геоданных (БГД)). База геоданных позволяет выполнять пространственный анализ миграции молодежи с учетом региональных особенностей. Атрибутивные таблицы базы данных имеют общую структуру (табл. 1) и содержат информацию об особенностях миграции молодежи на уровне субъекта РФ (рис. 1).

В состав БГД вошли следующие показатели миграции молодежи:

1. Миграционный прирост молодежи в 2017–2019 гг., чел.;
2. Миграционный прирост молодежи в 2017–2019 гг., ‰;
3. Миграционный прирост молодежи в 2017–2019 гг. в среднем в год, ‰;
4. Миграционный прирост молодежи в 2020–2021 гг., чел.;
5. Миграционный прирост молодежи в 2020–2021 гг., ‰;
6. Миграционный прирост молодежи в 2020–2021 гг. в среднем в год, ‰;
7. Выбывшие всего в 2017–2019 гг., чел.;
8. Выбывшие в возрасте 15–29 лет в 2017–2019 гг., чел.;
9. Выбывшие в возрасте 15–29 лет в 2017–2019 гг., %
10. Коэффициенты выбытия молодежи в 2017–2019 гг., ‰;
11. Коэффициенты выбытия молодежи в 2017–2019 гг. в среднем в год, ‰;
12. Прибывшие всего в 2017–2019 гг., чел.;
13. Прибывшие в возрасте 15–29 лет в 2017–2019 гг., чел.;
14. Прибывшие в возрасте 15–29 лет в 2017–2019 гг., %
15. Коэффициенты прибытия молодежи в 2017–2019 гг., ‰;
16. Коэффициенты прибытия молодежи в 2017–2019, в среднем в год, ‰;
17. Доля молодежи в населении на 1 января 2017–2019 гг., %;
18. Доля населения в возрасте 15–19 лет в 2017–2019 гг., %;
19. Доля населения в возрасте 20–24 года в 2017–2019 гг., %;
20. Доля населения в возрасте 25–29 лет в 2017–2019 гг., %.

БГД дает возможность графического отображения данных в виде графиков, схем и другими графическими средствами представления информации в наглядной форме. Итоговые картографические материалы оформлены при поддержке приложения Adobe Illustrator как инструмента дополнительной визуализации.

Табл. 1. Структура атрибутивных таблиц на уровне субъекта РФ
Table 1. Structure of attribute tables at the level of a subject of the Russian Federation

№	Наименование поля	Тип поля	Содержание поля
1	wkt_geom	Geometry	Данные о геометрии объекта, координаты точки/узлов полигона
2	oktmo	Longinteger	Код ОКТМО
3	NAME	String	Название субъекта
4	ADM3_NAME	String	Название федерального округа субъекта
5	state_id	String	Код ISO 3166-2
6	state_id_n	Longinteger	Код субъекта РФ
7	Indikator2016, Indikator2017...	Longinteger	Данные за определенный год в абсолютных значениях (чел.)
8	K_Indikator2016, K_Indikator2017...	Double	Относительные показатели за год (%; ‰)

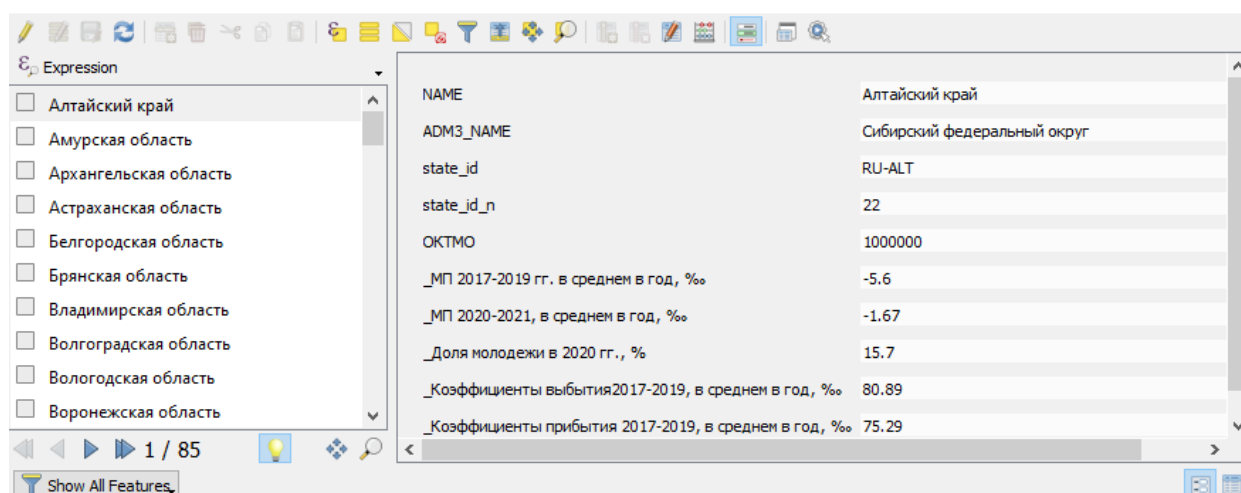

Рис. 1. Фрагмент информационного наполнения БГД на уровне субъекта РФ
Fig. 1. Fragment of the information content of the database at the level of a subject of the Russian Federation

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В 2017 г. в большинстве (в 53 из 85) регионов России отмечался отрицательный миграционный прирост молодежи. К 2019 г. произошла смена «географического рисунка» миграции молодежи на противоположную картину. В последний «предковидный год» (2019) в большей части (в 56) субъектов РФ отмечался миграционный прирост молодежи, что свидетельствует о повышении миграционной привлекательности регионов России для молодежи, в т. ч. возможно, что весомый вклад в сальдо миграции внесла увеличившаяся иммиграция студентов в Россию. За 2008–2019 гг. студенческая иммиграция в Россию на ПМЖ составила 305 тыс. чел., или от 7 до 11 % в год от общего миграционного потока [Сопнев, Соловьев, 2022].

Еще больше ареал регионов с миграционным приростом увеличился (до 63 регионов) в период пандемии COVID-19. Примечательно, что в число регионов

миграционных доноров молодежи впервые вошла Москва. Это было обусловлено влиянием ограничительных мер по борьбе с пандемией COVID-19 на социально-экономическую ситуацию. Многие предприятия временно прекратили свою деятельность или перешли на дистанционную форму организации работы.

Таким образом, в 2017–2021 гг. отмечалась тенденция роста ареала субъектов РФ с миграционным приростом молодежи.

В «доковидные годы» (2017–2019 гг.) сверхвысокий коэффициент миграционного прироста молодежи был зафиксирован только в Ленинградской области (38,69 ‰). Высокие коэффициенты миграционного прироста отмечались в Севастополе (22,4 ‰), Московской (22,66) и Тюменской (19,62) областях, а также Санкт-Петербурге (17,35). Таким образом, наибольшей аттрактивностью для молодежи в России отличаются столичные города и их соседи первого порядка, что связано с развитостью рынков труда, а также большим количеством и престижностью вузов¹. Важными «магнитами» для мигрантов являются военно-морская база Севастополь (миграция военных) и «флагман» национальной нефтегазовой промышленности — Тюменская область (рис. 2).

Средняя интенсивность миграционного прироста молодежи характерна для Адыгеи (14,72 ‰), Калининградской области (13,79 ‰), Москвы (12,45 ‰) и Камчатского края (9,93 ‰). Миграционная привлекательность Адыгеи, прежде всего, обусловлена благоприятным климатом, преобладанием русского населения и географической близостью к Краснодару. Северные муниципалитеты этой республики входят в состав Краснодарской городской агломерации. На миграционную привлекательность Калининградской области влияет успешное социально-экономическое развитие. Приток молодежи на Камчатку предположительно связан с реализацией программы «Дальневосточного гектара». В 2021 г. Камчатский край входил в пятерку лидеров по реализации данной программы².

Низкая интенсивность миграционного прироста (0,75–8,60 ‰) молодежи отмечалась во многих регионах России, относящихся к наиболее развитым. Среди них соседи первого порядка Подмосковья — Калужская, Смоленская, Тульская, Ярославская области, которые находятся в зоне влияния крупнейшей в России Московской городской агломерации. В числе регионов с низким миграционным приростом молодежи одна из самых успешных территорий Черноземья (в социально-экономическом отношении) — Белгородская область; регионы Крайнего Севера — Мурманская и Сахалинская области, ХМАО, ЯНАО, Красноярский край и Чукотка; регионы Юга России с благоприятным климатом — Крым, Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область; некоторые регионы Поволжья — Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Нижегородская и Самарская области; часть регионов Азиатской России — Свердловская, Новосибирская, Томская области, Тыва и Приморский край. Свердловская и Новосибирская области возглавляются городами, входящими в число лидеров в России по людности, а Томск является важным центром высшего образования России. В свою очередь, Владивосток выполняет столичные функции и занимает первое место по численности населения среди городов Дальнего Востока.

Низкие коэффициенты миграционной убыли (–0,52– –5,89 ‰) молодежи характерны для значительной части регионов России, которые не относятся к числу самых успешных в социально-экономическом плане территорий. Среди них ряд регионов Центральной России (Брянская, Владимирская, Ивановская, Курская, Липецкая, Рязанская области). В эту группу входят регионы Нечерноземной полосы Европейской России (Тверская,

¹ Итоговый рейтинг регионов России — 2022. Электронный ресурс: <https://ria.ru/20221226/itogi-1841180407.html> (дата обращения 13.02.2023)

² Гуменюк В. Камчатка в лидерах по реализации программы «Дальневосточный гектар». Электронный ресурс: <https://kamtoday.ru/news/society/kamchatka-v-liderakh-po-realizatsii-programmy-dalnevostochny-u-gektar/> (дата обращения 12.02.2023)

Новгородская, Псковская обл., Карелия, Пермский край), а также регионы Среднего и Южного Поволжья (Чувашия, Саратовская, Ульяновская, Волгоградская обл.) и северокавказские республики (Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Чечня). Низкая миграционная убыль молодежи отмечается во многих уральских регионах (Башкортостан, Удмуртия, Оренбургская и Челябинская обл.) и в ряде территорий Азиатской России (Алтай, Хакасия, Алтайский край, Иркутская, Кемеровская и Амурская обл., Бурятия, Якутия, Хабаровский край)¹.

Средние коэффициенты миграционной убыли молодежи присущи регионам Европейского Севера, лесной полосы Центральной России и Волго-Вятки (Архангельская, Вологодская, Кировская и Костромская область, Ненецкий АО), а также в регионах Черноземья Европейской России (Орловская, Пензенская и Тамбовская обл.), Юга России (Астраханская область, Северная Осетия – Алания) и Азиатской России (Омская и Магаданская области и Забайкальский край).

Высокая интенсивность миграционной убыли молодежи отмечается в депрессивных регионах, а именно Крайнего Севера — в Коми (–16,63 ‰), в аграрной Республике Калмыкии (–15,66 ‰), Еврейской АО (–14,38 ‰) и Курганской области (–11,27 ‰).

В «пандемийные годы» (2020–2021 гг.) произошло увеличение числа регионов со сверхвысоким миграционным приростом молодежи (с 1 до 3). Помимо Ленинградской области (30 ‰) в их число вошли Севастополь (42,23 ‰) и Калужская обл. (26,68 ‰) (рис. 2).

Не изменилось количество регионов с высокими коэффициентами миграционного прироста молодежи. В этот период данная интенсивность сальдо миграции зафиксирована в Камчатском крае (23,31 ‰), Якутии (19,22 ‰), Московской (17,91 ‰) и Калининградской обл. (16,4 ‰).

Немного выросло число регионов со средними коэффициентами миграционного прироста (Адыгея — 12,64 ‰, ХМАО — 11,59 ‰, ЯНАО — 10,83 ‰, Новгородская — 9,86 ‰ и Томская обл. — 9,86 ‰). В 2020–2021 гг. произошел переход Новгородской обл. из группы низкой миграционной убыли в группу высокого миграционного прироста, что, вероятно, связано с оттоком туда молодежи из Санкт-Петербурга.

Пандемия COVID-19 привела к значительному росту группы регионов России с низким миграционным приростом молодежи (с 27 до 40 субъектов РФ). В свою очередь, произошло снижение численности регионов с низкой миграционной убылью (с 32 до 26). Также отмечалось более чем двукратное уменьшение количества регионов со средней миграционной убылью (с 13 до 5). Наибольшие коэффициенты миграционной убыли молодежи зафиксированы в Астраханской области (–7,28 ‰), Еврейской АО (–6,67 ‰), Омской обл. (–6,52 ‰), Северной Осетии – Алании (–5,5 ‰) и Коми (–5,16 ‰). Группа с высокой интенсивностью миграционной убыли в 2020–2021 гг. не проявилась.

По нашему мнению, региональные черты миграционной подвижности молодежи обусловлены климатическими особенностями, демографическим развитием, наличием престижных вузов, дифференциацией уровня жизни населения и состоянием рынков труда.

В 2017–2019 гг. сверхвысокие коэффициенты прибытия отмечались лишь на Чукотке (169,52 ‰) (рис. 3). Высокая интенсивность прямого потока (прибытие) молодежи наблюдалась во многих регионах Нечерноземья и Крайнего Севера России, а именно в Республике Алтай (124,21 ‰), Кировской обл. (110,86 ‰), ЯНАО (109,93 ‰), Ленинградской (106,09 ‰), Псковской (102,87 ‰) обл., Хакасии (102,19 ‰), Магаданской (101,67 ‰), Мурманской (101,03 ‰) обл., Тыве (100,93 ‰), Смоленской обл. (100,75 ‰), Якутии (99,57 ‰), Сахалинской (98,67 ‰) и Архангельской обл. (97 ‰), Коми (96,81 ‰),

¹ Итоговый рейтинг регионов России — 2022. Электронный ресурс: <https://ria.ru/20221226/itogi-1841180407.html> (дата обращения 13.02.2023)

Красноярском крае (93,69 ‰), Костромской обл. (90,8 ‰), г. Санкт-Петербурге (90,48 ‰), Камчатском крае (89,95 ‰), Ненецком АО (89,69 ‰), Карелии (89,28 ‰), Новгородской обл. (88,87 ‰). Высокая миграционная подвижность в этих регионах, по нашему мнению, связана с меньшей комфортностью природно-климатических условий, а также трудодефицитностью.

Схожая региональная дифференциация миграционной подвижности молодежи отмечается и в обратном потоке (выбытия). Сверхвысокие и высокие коэффициенты выбытия (89,42–125,19 ‰) молодежи характерны для Чукотки (164,56 ‰), Республики Алтай (125,19 ‰), Кировской (117,34 ‰), Костромской (98,04 ‰), Смоленской (97,39 ‰), Тамбовской (92,9 ‰) обл., Карелии (95,18 ‰), Коми (113,44 ‰), Ненецкого АО (100,09 ‰), Архангельской (101,75 ‰), Мурманской (97,18 ‰), Новгородской (92,86 ‰), Псковской (103,74 ‰) обл., Калмыкии (97,24 ‰), Курганской обл. (98,28 ‰), ЯНАО (105,72 ‰), Тывы (97,18 ‰), Хакасии (104,87 ‰), Красноярского края (92,43 ‰), Якутии (100,09 ‰), Магаданской (111 ‰) и Сахалинской обл. (90,69 ‰). Таким образом, 76 ‰ регионов (19 из 25) одновременно представлены в обеих группах (с высокими коэффициентами прибытия и выбытия), а 24 ‰ — только в одной из групп (рис. 4).

Средняя интенсивность (52,93–88,57 ‰) прибытия молодежи отмечается в большинстве регионов России (в 47 из 85). Преимущественно это регионы основной полосы расселения, а также ХМАО, Томская область, Бурятия, Забайкальский, Приморский и Хабаровский края, Амурская область и Еврейская АО. Как и в прибытии, в большей части регионов России (в 45 из 85) наблюдается средняя интенсивность (53,63–89,41 ‰) выбытия молодежи.

Низкая интенсивность прибытия молодежи характерна для Волгоградской (52,84 ‰), Омской (52,59 ‰), Иркутской (51,72 ‰) Нижегородской (50,58 ‰), Оренбургской (49,73 ‰), Ульяновской (49,65 ‰) обл., Татарстана (47,06 ‰), г. Москвы (46,67 ‰) и Самарской обл. (44,32 ‰). Как видно, среди этих регионов преобладают аттрактивные для мигрантов.

Наименьшие коэффициенты прибытия молодежи, несмотря на более молодую структуру населения, отмечаются в северокавказских республиках — Дагестане (23,58 ‰), Ингушетии (22,45 ‰), Кабардино-Балкарии (26,03 ‰), Карачаево-Черкесии (35,6 ‰), Северной Осетии–Алании (28,89 ‰), Чечне (17,27 ‰), что коррелирует с низкой миграционной привлекательностью этих аграрных республик.

Схожий состав группы регионов с низкими коэффициентами выбытия, которые также присущи всем северокавказским республикам (включая Адыгею), г. Москве и Московской обл., Севастополю и Крыму, Краснодарскому и Ставропольскому краям, Татарстану, Ростовской, Нижегородской, Самарской и Ульяновской обл. Как видно, возрастная структура населения регионов не относится к самым значимым факторам, определяющим миграционную подвижность молодежи (рис. 5). Высокая и средняя доля молодежи характерна северокавказским республикам, и особенно Дагестану, Ингушетии и Чечне, но при этом интенсивность миграционной подвижности в них наименьшая в России.

Эта особенность может свидетельствовать о важности степени урбанизированности этносов для интенсивности миграционной подвижности. В более урбанизированных регионах с преобладающим русским населением, как правило, наивысшая активность миграции молодежи. Другой причиной региональной дифференциации этих процессов выступает трудодефицитность регионов Крайнего Севера и Нечерноземья, где самая высокая миграционная подвижность молодежи. Значительно ниже этот показатель в регионах основной полосы расселения России.

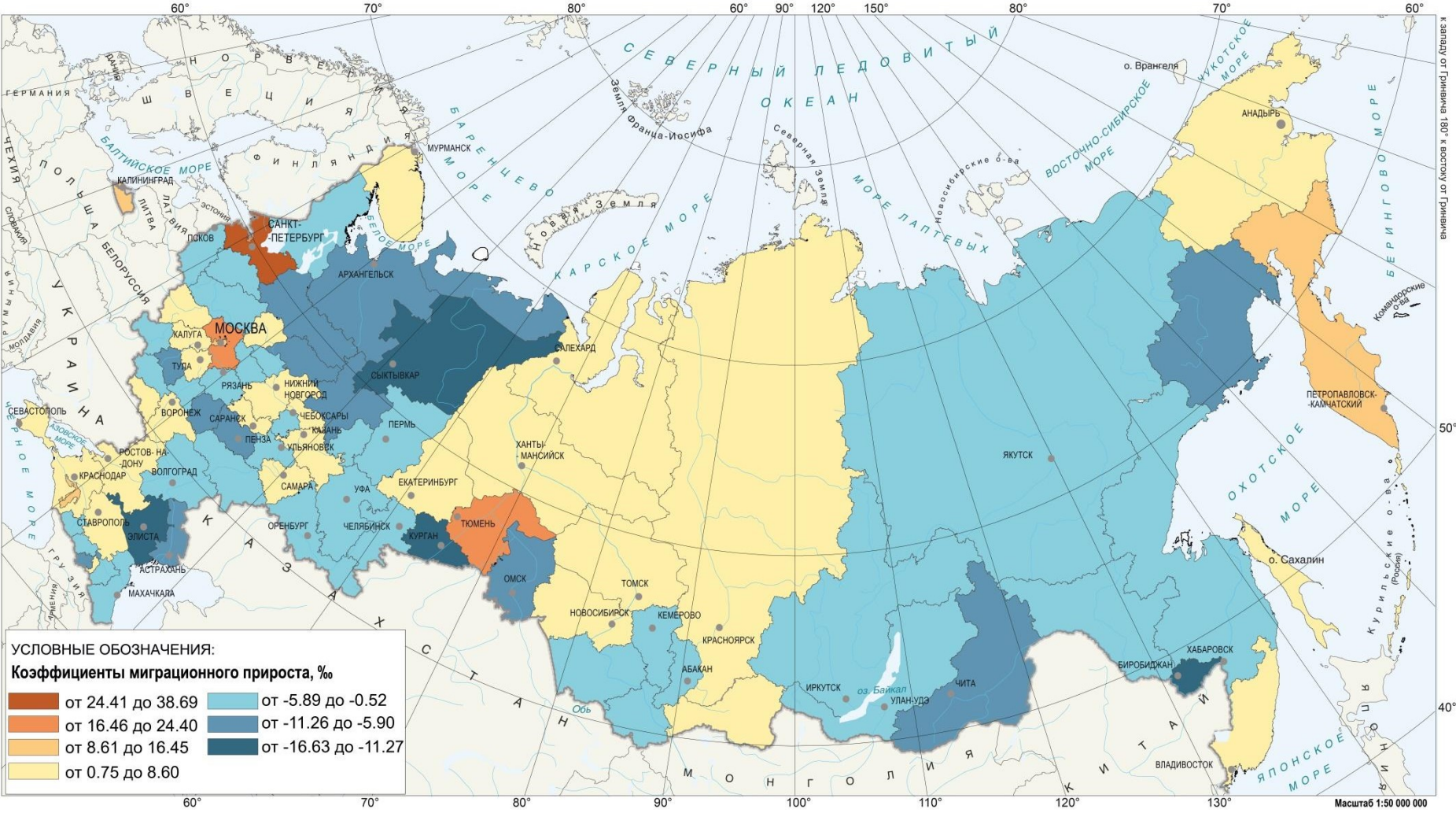

Рис. 2. Миграционный прирост молодежи регионов России в среднем в год в 2017–2019 гг., %
 Fig. 2. Migration growth of young people in Russian regions on average per year in 2017–2019, %

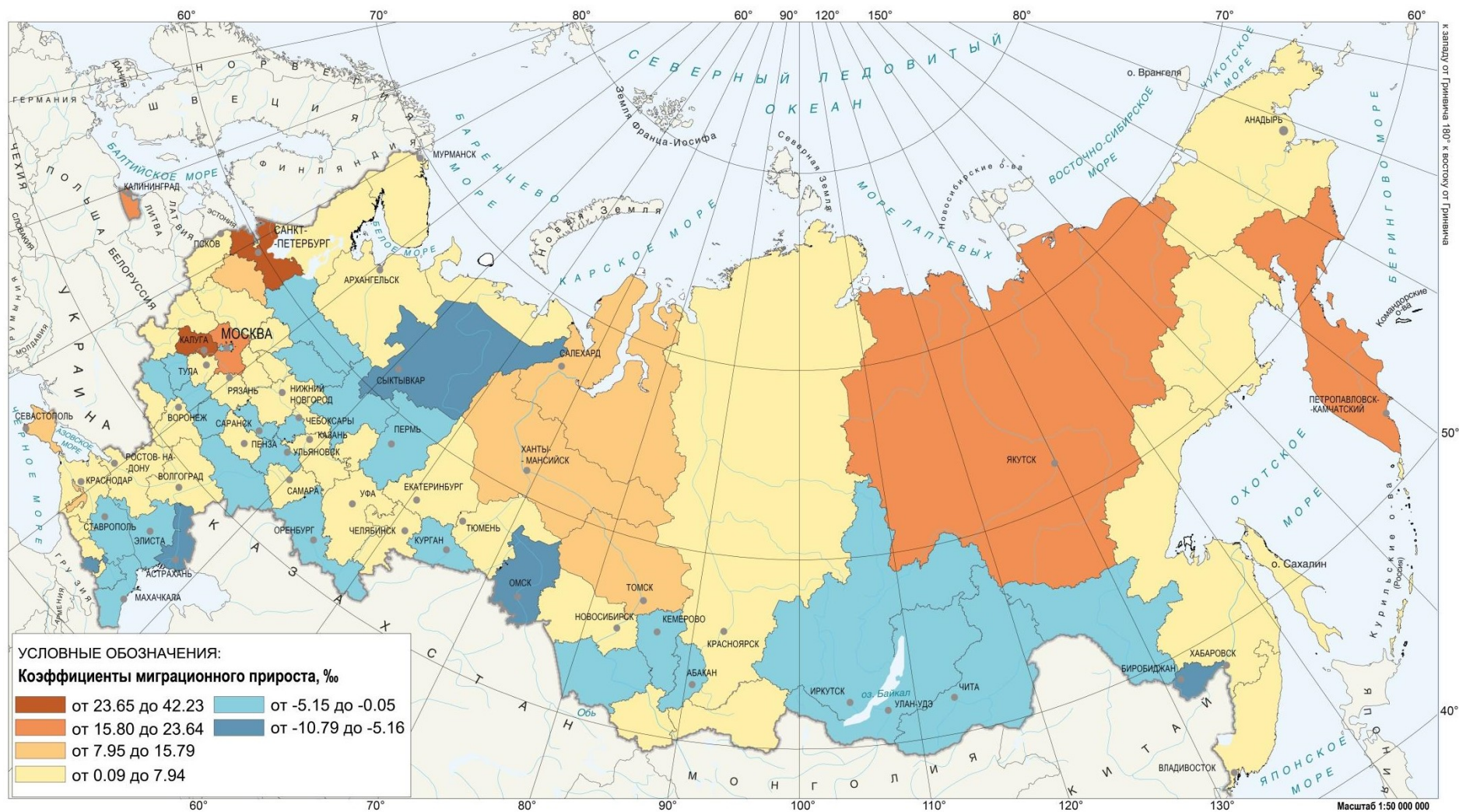

Рис. 3. Миграционный прирост молодежи регионов России в среднем в год в 2020–2021 гг., ‰
 Fig. 3. Migration growth of young people in Russian regions on average per year in 2020–2021, ‰

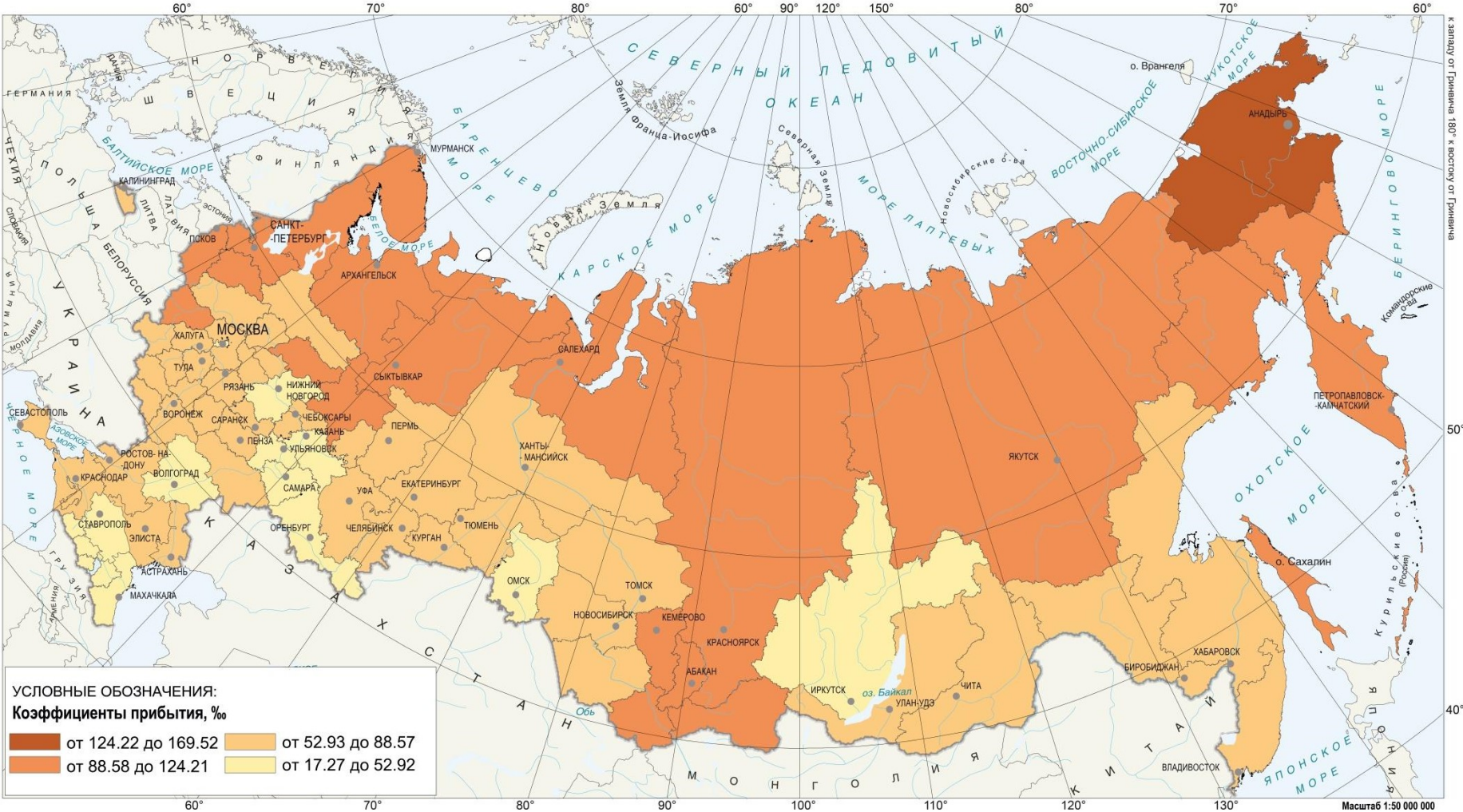

Рис. 4. Коэффициенты прибытия молодежи регионов России в среднем в год в 2017–2019 гг. (%)
Fig. 4. Coefficients of arrival of young people in the regions of Russia on average per year in 2017–2019 (%)

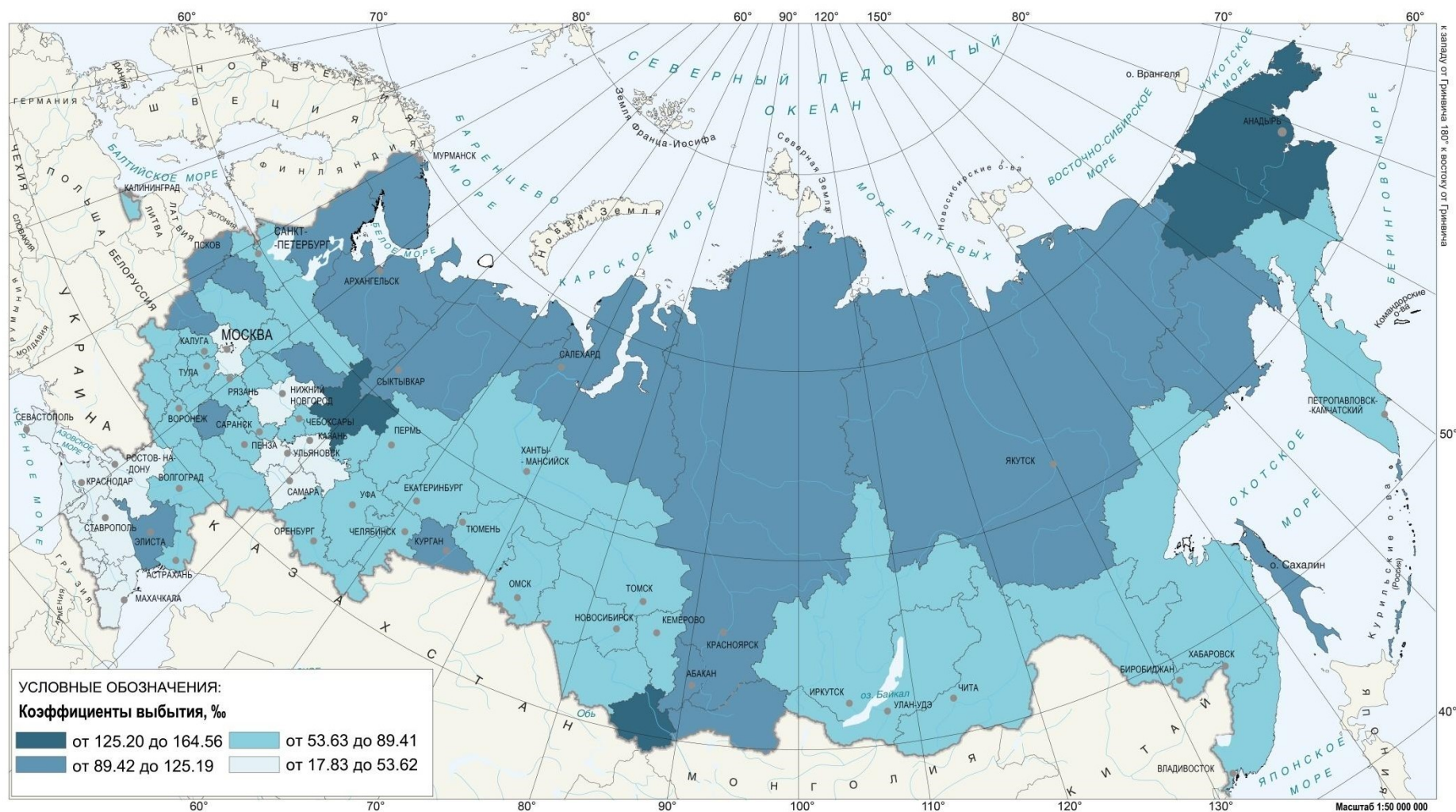

Рис. 5. Коэффициенты выбытия молодежи регионов России в среднем в год в 2017–2019 гг. (%)
 Fig. 5. Coefficients disposal rates of young people in Russian regions on average per year in 2017–2019 (%)

Рис. 6. Доля молодежи в населении регионов России в 2020 г. (%)
Fig. 6. The share of young people in the population of Russian regions in 2020 (%)

ВЫВОДЫ

Используемая методика пространственного анализа миграции молодежи на основе картографического метода позволила адекватно выявить региональные особенности миграционной подвижности молодежи в России.

Как показало исследование, в последние годы возросло положительное влияние миграции молодежи на демографическое и социально-экономическое развитие во многих регионах России, большинство из которых являются аттрактивными для этой категории населения. Пандемия COVID-19 привела к увеличению ареала регионов России с миграционным приростом.

Наиболее оптимальным для демографического развития регионов России является характер молодежной миграции, сочетающий миграционный прирост со средними или низкими коэффициентами прибытий и выбытий молодежи. Такая миграционная картина в 2017–2019 гг. была характерна для Ленинградской области, Санкт-Петербурга, Тюменской, Московской областей и Севастополя.

В значительной части регионов России все еще отмечается отток молодежи, и если для сохраняющих высокий демографический потенциал республик восточной части Северного Кавказа и Ненецкого АО такая ситуация менее драматична, то во многих регионах России миграционная убыль молодежи является серьезной угрозой демографической и экономической безопасности. Наиболее сложная ситуация сложилась в республиках Коми и Калмыкии, Курганской области и Еврейской АО. Негативное влияние отток молодежи оказывает на устойчивость демографического развития Костромской, Тамбовской, Архангельской, Кировской, Магаданской, Орловской, Вологодской, Астраханской, Пензенской, Омской областей, Забайкальского края и Северной Осетии – Алании.

Дальнейшее развитие данной проблематики связано с картографическим обеспечением исследований региональных особенностей миграции молодежи в России по тем же показателям на уровне городского и сельского населения, а также направленности миграции по следующим потокам:

- 1) международная (со странами СНГ, с другими странами);
- 2) внутрироссийская миграция;
- 3) межрегиональная миграция;
- 4) внутрирегиональная миграция.

Такой подход позволит комплексно рассмотреть данную проблему и уточнить факторы, оказывающие влияние на региональную дифференциацию характера миграции молодежи в России.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 23-27-00056.

ACKNOWLEDGEMENTS

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of scientific project No. 23-27-00056.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атаева А.Г., Уляева А.Г. Межрегиональная молодежная миграция как угроза утери человеческого капитала территории (на материалах Республики Башкортостан и регионов Приволжского федерального округа). Вестник Томского государственного университета. Экономика, 2018. № 44. С. 38–57.

- Белозеров В.С., Щитова Н.А., Есикова В.О.* Геоинформационный мониторинг и моделирование процессов иммиграции студентов в Россию. *ИнтерКарто. ИнтерГИС. Материалы Междунар. конф.*, 2022. Т. 28. № 2. С. 19–33. DOI: 10.35595/2414-9179-2022-2-28-110-120.
- Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С.* Миграционные планы выпускников региональных вузов России. *Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика*, 2014. № 3. С. 36–58.
- Габдрахманов Н.К.* Молодежная миграция как индикатор региональной аттрактивности. *Географический вестник*, 2020. № 1 (52). С. 96–107. DOI:10.17072/2079-7877-2020-1-96-107.
- Габдрахманов Н.К., Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В.* Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах. *Вопросы образования*, 2022. №2. С. 88–116. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-2-88-116.
- Зайончковская Ж.А.* Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука, 1991. 132 с.
- Замятина Н.Ю.* Метод изучения миграций молодежи по данным социальных интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной интернет-сети «ВКонтакте»). *Региональные исследования*, 2012. № 2. С. 15–28.
- Карачурина Л.Б., Флоринская Ю.Ф.* Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России. *Вестник Московского университета. Сер. 5. География*, 2019. № 6. С. 82–89.
- Карцева М.А., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф.* Межрегиональная миграция молодежи в России и выстраивание жизненных стратегий. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 2021. № 4 (52). С. 162–180. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-7.
- Кашицкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В.* Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики. *Вопросы образования*, 2016 (а). № 3. С. 169–203.
- Кашицкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В.* Миграция молодежи в России. *Демоскоп Weekly*, 2016 (б). № 703–704. Электронный ресурс: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0703/demoscope703.pdf> (дата обращения 10.02.2023).
- Лукьянец А.С., Максимова А.С.* Дифференциация эмиграционных намерений российской молодежи. *Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки*, 2016. № 5. С. 17–23.
- Мкртчян Н.В.* Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI веков. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 2013. № 6. С. 19–32.
- Мкртчян Н.В.* Миграция молодежи из малых городов России. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 2017. № 1. С. 225–242.
- Переведенцев В.И.* Молодежь и социально-демографические проблемы СССР. М.: Наука, 1990. 150 с.
- Рязанцев С.В., Лукьянец А.С.* Эмиграция молодежи из России: факторы, формы и последствия. *Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право*, 2015. № 4. С. 7–18.
- Соловьева Е.В.* Организация воспитания студенческой молодежи в современных социокультурных условиях. *Кавказский диалог: материалы X международной научно-практической конференции*. Невинномысск: ГАОУ ВО «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт», 2019. С. 215–220.

Сопнев Н.В., Соловьев И.А. Картографическое обеспечение исследования территориальных особенностей студенческой иммиграции в России. *ИнтерКарто. ИнтерГИС. Материалы Междунар. конф.*, 2022. Т. 28. № 2. С. 126–145. DOI: 10.35595/2414-9179-2022-2-28-110-120.

Argent N., Walmsley J. Rural youth migration trends in Australia: An overview of recent trends and two inland case studies. *Geographical Research*, 2008. V. 46. No. 2. P. 139–152.

Bates J., Bracken I. Migration age profiles for local authority areas in England, 1971–1981. *Environment and Planning*, 1987. No. 19 (4). P. 521–535.

Hadler M. Intentions to migrate within the European Union: A challenge for simple economic macro-level explanations. *European Societies*, 2006. V. 8. No. 1. P. 111–140.

Venhorst V., Dijk J.V., Wissen L.V. An analysis of trends in spatial mobility of Dutch graduates. *Spatial Economic Analysis*, 2011. V. 6. No. 1. P. 57–82.

Williams A.M., Jephcote C., Janta H., Li G. The migration intentions of young adults in Europe: A comparative, multilevel analysis. *Population, Space and Place*, 2018. V. 24. No. 1. P. 21–23.

REFERENCES

Argent N., Walmsley J. Rural youth migration trends in Australia: An overview of recent trends and two inland case studies. *Geographical Research*, 2008. V. 46. No. 2. P. 139–152.

Ataeva A.G., Ulyaeva A.G. Interregional youth migration as a threat to the loss of human capital of the territory (based on the materials of the Republic of Bashkortostan and the regions of the Volga Federal District). *Bulletin of Tomsk State University. Economy*, 2018. No. 44. P. 38–57 (in Russian).

Bates J., Bracken I. Migration age profiles for local authority areas in England, 1971–1981. *Environment and Planning*, 1987. No. 19 (4). P. 521–535.

Belozеров V.S., Shchitova N.A., Esikova V.O. Geoinformation monitoring and modeling of student immigration to Russia. *InterCarto. InterGIS. Proceedings of International Conference*, 2022. V. 28. No. 2. P. 19–33 (in Russian). DOI: 10.35595/2414-9179-2022-2-28-110-120.

Gabdrakhmanov N.K. Youth migration as an indicator of regional attractiveness. *Geographical bulletin*, 2020. No. 1 (52). P. 96–107 (in Russian). DOI: 10.17072/2079-7877-2020-1-96-107.

Gabdrakhmanov N.K., Karachurina L.B., Mkrtychyan N.V., Leshukov O.V. Educational migration of young people and optimization of the network of universities in cities of different sizes. *Educational studies*, 2022. No. 2. P. 88–116 (in Russian). DOI: 10.17323/1814-9545-2022-2-88-116.

Hadler M. Intentions to migrate within the European Union: A challenge for simple economic macro-level explanations. *European Societies*, 2006. V. 8. No. 1. P. 111–140.

Karachurina L.B., Florinskaya Y.F. Migration intentions of school graduates in small and midsize towns of Russia. *Moscow University Bulletin. Series 5. Geography*, 2019. No. 6. P. 82–89 (in Russian).

Kartseva M.A., Mkrtychyan N.V., Florinskaya Y.F. Interregional migration and life strategies of the Russian youth. *Journal of the New Economic Association*, 2021. No. 4 (52). P. 162–180 (in Russian). DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-7.

Kashnitsky I.S., Mkrtychyan N.V., Leshukov O.V. Inter-regional migration of youths in Russia: A comprehensive analysis of demographic statistics. *Educational Studies*, 2016 (a). No. 3. P. 169–203 (in Russian).

- Kashnitsky I.S., Mkrtyan N.V., Leshukov O.V.* Migration of youth in Russia. Demoscope Weekly, 2016 (b). No. 703–704. Web resource: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0703/demoscope703.pdf> (accessed 10.02.2023).
- Lukyanets A.S., Maksimova A.S.* Differentiation of the emigration intentions of the Russian youth. Scientific Review. Series 2. Humanities, 2016. No. 5. P. 17–23 (in Russian).
- Mkrtyan N.V.* Migration of young people to regional centers of Russia at the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries. Izvestia RAN. Seriya Geograficheskaya (Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geography series), 2013. No. 6. P. 19–32 (in Russian).
- Mkrtyan N.V.* The youth migration from small towns in Russia. Monitoring of public opinion: economic and social changes, 2017. No. 1. P. 225–242 (in Russian).
- Perevedentsev V.I.* Youth and socio-demographic problems of the USSR. Moscow: Nauka, 1990. 150 p. (in Russian).
- Ryazantsev S.V., Lukyanets A.S.* Youth migration from Russia: Factors, forms and consequences. Scientific Review. Series 1. Economics and Law, 2015. No. 4. P. 7–18 (in Russian).
- Solovieva E.V.* Organization of education of student youth in modern socio-cultural conditions. Caucasian dialogue: Proceedings of the X International scientific and practical conference. Nevinnomyssk: SAEIHE “Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute”, 2019. P. 215–220 (in Russian).
- Sopnev N.V., Soloviev I.A.* Cartographic provision for the study of territorial features of student immigration in Russia. InterCarto. InterGIS. Proceedings of International Conference, 2022. V. 28. No. 2. P. 126–145 (in Russian). DOI: 10.35595/2414-9179-2022-2-28-110-120.
- Varshavskaya E.Ya., Chudinovskikh O.S.* Migration plans of graduates of regional universities of Russia. Moscow University Economic Bulletin, 2014. No. 3. P. 36–58 (in Russian).
- Venhorst V., Dijk J. V., Wissen L.V.* An analysis of trends in spatial mobility of Dutch graduates. Spatial Economic Analysis, 2011. V. 6. No. 1. P. 57–82.
- Williams A.M., Jephcote C., Janta H., Li G.* The migration intentions of young adults in Europe: A comparative, multilevel analysis. Population, Space and Place, 2018. V. 24. No. 1. P. 21–23.
- Zaionchkovskaya Zh.A.* A demographic situation and the settlement. Moscow: Nauka, 1991. 132 p. (in Russian).
- Zamyatina N.Y.* The method of studying the migration of young according to the social Internet networks: the Tomsk State University as “the center of production and distribution” of human capital (according to the social online network “VKontakte”). Regional Studies, 2012. No. 2. P. 15–28 (in Russian).
-